

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКЕ ИДЕЙ
КЛАССИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.¹

1

В апрельском номере журнала «Большевик» за 1944 г. помещена статья «О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII и начала XIX вв.», в которой указывается, что в третьем томе «Истории философии», выпущенном Институтом философии Академии наук СССР в 1943 г., были допущены серьезные ошибки в изложении и оценке немецкой философии конца XVIII и начала XIX в. В главах, посвященных философии Канта, Фихте, Гегеля, преувеличивается значение немецкой философии, философия этих мыслителей изображается преимущественно как прогрессивная, ввиду чего затушевывается их консервативная философская система, тогда как классики марксизма-ленинизма резко критиковали консервативные политические воззрения немецких философов и подчеркивали преобладание в их мировоззрении консервативной стороны.

Руководящие указания статьи «Большевик» должны быть учтены не только философским, но и правовым фронтом, в частности, уголовно-правовой теорией.

Советская теория уголовного права совершенно правильно рассматривает Беккариа как основоположника так называемой классической школы. В своем знаменитом сочинении «О преступлениях и наказаниях» (1764 г.) Беккариа наиболее полно и ярко отразил общеполитические взгляды английских и французских публицистов и философов XVII и XVIII вв. (договорное происхождение общества, политический радикализм) и обосновал основные требования буржуазной демократии в области уголовного права (равенство всех перед законом, принцип легальности, соразмерность наказания пре-

¹ Основные положения настоящей работы были сформулированы в докладе, сделанном в Военно-юридической академии в апреле 1946 г. При подготовке работы к печати в развернутом виде дана критика политических взглядов Аггелыма Фейербаха.

ступенно, гуманизация карательной системы и т. д.), которые выдвигались отдельными просветителями XVII и XVIII вв.

Но совершенно неправильно рассматривает наша советская теория развитие классической школы уголовного права в первой половине XIX в. как стоящее под исключительным влиянием идеалистической немецкой философии.

Наиболее полно этот тезис защищался профессором А. А. Пионтковским. В его монографии, посвященной уголовно-правовым воззрениям Канта, Фихте и Гегеля, со всей категоричностью заявляется, что знакомство с уголовно-правовыми воззрениями этих мыслителей должно на том будто бы основании являться составной частью общего теоретического образования советского криминалиста, что именно эти идеи «ослужили основой для развития буржуазно-правовой идеологии эпохи победы и утверждения капитализма в передовых странах Европы»¹.

Учебник уголовного права (Общая часть), составленный Всесоюзным институтом юридических наук, противопоставляет первоначальные воззрения классической школы, сформулированные французскими просветителями и Беккариа, воззрениям Канта, Гегеля и др. (Р). В учебнике указывается, что для развития классической школы XIX в. (даже всего века!) большое значение имели общеполитические воззрения и уголовно-правовые учения Канта и Гегеля².

Проф. Герцезон в первой главе своей «Общей части уголовного права» утверждает, что философские основы и методы науки уголовного права, развивавшиеся в первой половине XIX в. сторонниками классической школы, исходили из учений Канта и Гегеля³.

Такого рода взгляды, считающие, что вся классическая школа первой половины XIX в. развивалась, якобы, под влиянием немецкой идеалистической философии, и как раз классическая школа «в передовых странах Европы», являются глубоко ошибочными и теоретически и политически неправильными.

Неправильной является и оценка в советской литературе немецкого криминалиста Ансельма Фейербаха. Советская теория уголовного права неправильно осветила политические взгляды А. Фейербаха, приписав им радикализм и записав А. Фейербаха совершенно неадекватно в число «просветителей».

Наша статья ставит своей целью вскрыть ошибки, допущенные советской теорией в трактовке классической школы первой половины XIX в. Предварительно мы считаем необходимым дать крат-

¹ А. А. Пионтковский, Уголовно-правовые воззрения Канта, А. Фейербаха и Фихте. Ученые труды Всесоюзного института юридических наук, вып. 1, 1940, стр. 5.

² Уголовное право, Общая часть, изд. 3, 1943, стр. 22. Автор настоящей статьи является одним из редакторов учебника и несет полную за него ответственность.

³ Рецензия. Уголовное право, часть Общая, Военно-юридическая академия, 1944, стр. 23. Выпуск вклада в счет до статьи в апрельской книжке «Большевик» за 1944 г.

кую политическую оценку самих уголовно-правовых воззрений Канта и Гегеля. На уголовно-правовых воззрениях Фихте мы не считаем нужным останавливаться, ибо они не оказали какого-либо заметного влияния даже на немецкую науку уголовного права.

II

Учебник ВНИОН ограничивается кратким изложением уголовно-правовых взглядов Канта и Гегеля, не подвергая их какой-либо серьезной критике. Зато исчерпывающе изложены взгляды Канта проф. Пионтковским.

К положительным чертам кантовской теории автор относит высказывания Канта в защиту господства закона⁴; в отрицании Кантом утилитарных целей наказания проф. Пионтковский усматривает прогрессивное значение, поскольку в противоположность беспрепятственному феодальному государству провозглашалось и защищалось человеческое достоинство личности в процессе осуществления карательной деятельности государства⁵. Кант стоял фактически за ограничение смертной казни, его карательная система не допускала телесных наказаний, не допускала его уголовно-правовая теория и религиозных преступлений⁶.

Отрицательные, реакционные черты уголовно-правовой теории Канта приведены проф. Пионтковским с исчерпывающей полнотой. Уголовно-правовая теория Канта является прежде всего идеалистической теорией. Трансцендентальный идеализм Канта набрасывает сверхчуждый покров на осуществление карательной деятельности государства. «Не значит ли это, — приводит Пионтковский слова Маркса (Соч., т. IX, стр. 88—89), по поводу теории наказания Канта и Гегеля, — обманывать самого себя, когда на место индивидуума, с его действительными мотивами, с испытываемым многообразным воздействием социальной среды, ставят абстракцию свободной воли, заменяя всего человека одним из многих чело-веческих свойств?»⁷. Своей идеалистической философией Кант фактически обосновывал возможность религиозного освящения наказания и вступал в противоречие с Беккариа, который со всей решительностью восставал против какого бы то ни было религиозного оправдания наказания⁸. Несомненной уступкой феодальной идеологии являлись наказания в которых писал Кант, была в защите в тех исторических условиях, в которых писал Кант, была в защите в смертной казни. Протест Беккариа против смертной казни был протестом против зверских расправ феодального государства с тру-

¹ Проф. Гинзель. Курс уголовного права, 1925. В историческом разлеме курс о Фихте даже не упоминается.

² А. А. Пионтковский, Уголовно-правовые воззрения Канта, А. Фейербаха и Фихте. Ученые труды ВНИОН, в. 1, 1940, стр. 63.

³ Там же, стр. 64.

⁴ Там же, стр. 65.

⁵ Там же, стр. 64.

⁶ Там же, стр. 65.

суровые». «Совершенно понятно, — пишет Ошерович, — что они не соответствовали уголовно-правовым воззрениям передовых людей XVIII и первой четверти XIX в., проникнутым либеральными и гуманными идеями просветительской философии XVIII в.»¹

Идеалистическая и консервативная сущность уголовно-правовой теории Гегеля была прекрасно вскрыта в свое время Марксом. «С точки зрения абстрактного права, — писал Маркс, — существует лишь одна теория наказания, которая в абстрактной форме отдает должное достоинству человека; это — теория Канта, особенно в более строгой формулировке Гегеля. Последний говорит: «Наказание есть право преступника. Оно — акт его собственной воли. Преступник обидел право своим правом. Его преступление есть отрицание права. Наказание есть отрицание этого отрицания, т. е. утверждение права, которое вызывается самим преступником и называется ему насильно»: «В этой теории, — продолжает Маркс, — без сомнения, много подкунающего, ибо Гегель, вместо того, чтобы видеть в преступнике только простой объект, раба истины, поднимает его до ранга свободного, самоопределяющегося существа». «Но, приглядевшись немного ближе, — заканчивает Маркс, — мы открываем, что и здесь, как и во многих других случаях, немецкий идеализм лишь санкционирует законы существующего общества и набрасывает на них сверхчувственный покров. Эта теория, усматривающая в наказании результат «свободной воли» преступника, является лишь метафизическим выражением древнего права возмездия, «*ius talionis*»: око за око, зуб за зуб, кровь за кровь»².

В своей «философии права» Гегель высказывался за равенство всех перед законом, за принцип законности, за установление наказания в соответствии с виной. В области уголовного процесса Гегель стоял за гласность и устность процесса, за суд присяжных — все буржуазно-демократические требования, частично осуществленные в Германии и Австрии лишь после 1848 г., но выдвинутые французскими просветителями и Беккариа задолго до Гегеля.

Но не в этих положениях заключается суть уголовно-правовой теории Гегеля, и в том оправдания существующего, которое давала «Философия права» Гегеля. Ландсберг пишет, что правая философия Гегеля покоится на той основной формуле его философии, которую он в предисловии к «Философии права» выделяет курсивом: «Что разумно, то действительно, и что действительно, то разумно». Эта формула и приводимые для ее обоснования рассуждения Гегеля, по мнению Ландсберга, «отбрасывают априористическое естественное право с его космополитически-просветительскими тенденциями и плоско-рационалистическими обоснованиями». С этой формулы начинается и профессор Гил-

пель изложенные в своем курсе уголовно-правовых взглядов Гегеля³. Кантонец, немецкий криминалист проф. Зауэр считает, что «позитивизм является не чем иным, как наследием историзма — направления, нашедшего свое наиболее яркое выражение в гегелевской философской системе, согласно которой все действительное помимо или даже против воли этой системы оправдано, так что легко консерватизм или даже в слепой фатализм»⁴.

В предисловии ко второму изданию «Энциклопедии» Гегель удивлялся, как это его критики не поняли истинного смысла его формулы, и заявлял, что он имел право предполагать, что они настолько образованы, чтобы знать, что существование представляет собою частью явление и лишь частью действительность. «В повседневной жизни, — писал Гегель, — называют действительностью всякую причуду, заблуждение, зло и тому подобное, равно как и всякое существование, как бы оно ни было преходяще и преходяще. Но человек, обладающий хотя бы обиденным чувством языка, не согласится с тем, что случайное существование заслуживает громкого названия действительного, случайное есть существование, обладающее не большей ценностью, чем возможное, которое одинаково могло бы быть и не быть». Гегель ссылался при этом и на свою «Логiku», в которой развивались те же мысли⁵.

Немецким юристам, о которых мы говорили выше, были, конечно, известны комментарии Гегеля к его формуле. Были они известны и Гаюму, но они не разубедили этого либерального немецкого ученого, написавшего в 1857 г. большую книгу «Гегель и его время», и не помещали ему нападать на Гегеля именно за его «Философию права». Гаюм прямо заявлял, что «в философской литературе не найдешь второго примера такой всеобъемлющей и беззаветной идеализации существующей политической действительности, предпринятой в этом сочинении Гегеля»⁶. «Теория божьей воли, предпринятая в этом сочинении, — писал Гаюм, — немилости и беспрекословного повиновения, — писал Гаюм, — немилости и безопасна по сравнению с ужасной доктриной, которая считает существующее как таковое священным»⁷.

По поводу «философии права» Плеханов писал, что она поражает очевидными усилиями автора примирить свою философию с прусским консерватизмом и что особенно в этом отношении поучительно предисловие, в котором положение «что разумно, то действительно, и что действительно, то разумно» получает уже совсем не то истолкование, которое дается ему в «Логике». Плеханов не соглашается с теми, кто временное и быстро прошедшее «примирение» Белинского с русской действительностью объясняет плохим

¹ Проф. Гилпель, Курс уголовного права, стр. 366.

² Sauer, Grundlagen des Strafrechts, 1921, стр. 1.

³ Гегель, Энциклопедия философских наук, часть первая, Госиздат, 1930, стр. 22.

⁴ Naum, Hegel und seine Zeit, 1857, стр. 386.

⁵ Там же, стр. 368.

¹ В. С. Ошерович, К вопросу об уголовно-правовых воззрениях Аристотеля и Цицерона. Ученые записки ВУЗов, изд. II, 1941, стр. 238.

² Маркс и Энгельс, Соч., т. IX, стр. 88—89.

понималем Белинским Гегеля. «Необходимо помнить, — пишет Плеханов, — что примирение Белинского с действительностью не противоречило, по крайней мере, тому Гегелю, с которым мы имеем дело в «Философии права»¹.

При оценке уголовно-правовой теории Гегеля необходимо исходить поэтому не из отдельных ее уголовно-правовых положений, хотя бы и прогрессивных самих по себе, а из общего консервативного духа «Философии права». Недаром Плеханов подчеркивал, что выражение «примирение с действительностью» употребляется в предисловии к «Философии права» самим Гегелем.

III

Немецкая буржуазия конца XVIII, начала XIX в. была на редкость экономически и политически отсталой. Налугана она была изрядно и французской революцией. И если философия Канта и была «немецкой теорией французской революции», то уголовно-правовые взгляды Канта, а силу того что они даже для немецкой буржуазии того времени представлялись слишком реакционными, таковой теорией не были. И Кант не мог поэтому стать отправным пунктом для дальнейшего развития политического сознания немецкой буржуазии в области уголовного права в первые десятилетия XIX в., как это полагает проф. Пионтковский².

У немецких криминалистов нет никаких оснований приписывать значение кантовских учений в истории развития немецкой уголовно-правовой мысли. Но они-то как раз и отражают влияние уголовно-правовых взглядов Канта на немецкую теорию уголовного права. «Попытка Канта, — пишет проф. Лист, — обосновать возмездие — мера косяго талиона — на категорическом императиве не оказала существенного влияния на немецкую теорию уголовного права. Хенке и Цахарие (немецкие криминалисты первой четверти XIX в.) старались, применяя к Канту, конструировать уголовное право на принципе талиона, но потерпели неудачу, не найдя последователей»³. «Само собой разумеется, — замечает Гиппель, — что уголовное право XIX в. не могло быть отброшено назад к принципу талиона»⁴.

На немецкую науку начала XIX в. оказали зато влияние философско-софистические взгляды Канта. Его критическая философия стала, по замечанию Гиппеля, научным оружием немецких криминалистов, поскольку она предъявила научному мышлению более высокие требования.

Ведущее положение среди немецких криминалистов занял А. Фейербах (1775—1833). Его учебник господствует в

Германии в течение первой половины XIX в. Фейербах ведет за собой науку и законодательство (Гиппель). В своей национальной ограниченности, отождествляя немецкую науку уголовного права с наукой уголовного права вообще, Ландсберг и Гиппель считают, что именно с А. Фейербаха ведет свое начало современное уголовное право¹.

Главнейшая заслуга А. Фейербаха заключается, по мнению Гиппеля, в его методе: заостренной юридической систематике и в образовании юридических понятий как предпосылок научной работы и законодательства. «Для нас, — говорит Гиппель, — эта метода является сама собой разумеющейся, тогда ее надо было завоевывать». Гиппель считает, что догматические успехи, достигнутые Фейербахом как в общем учении о преступлении, так и в формулировании отдельных составов преступления, принуждают каждого последующего теоретика занять критическую позицию в соответствующих вопросах. И в этом, вплоть до настоящего времени, по мнению Гиппеля, и заключается прогресс немецкого уголовного права, поскольку ему приходится разрешать задачи догматического характера в области науки, законодательства и практики.

Мы видим, что немецкие теоретики дают высокую оценку А. Фейербаху лишь как «догматику». В русской литературе профессор Таганцев признавал значение критических работ по «специально-юридическим вопросам» А. Фейербаха, но наряду со Штобелем и Росси (о последнем будет говориться ниже), противопоставляя им «политические рассуждения об основных принципах наказуемости» (Монтескье, энциклопедисты, Беккарна, французские и немецкие криминалисты, последователи французских просветителей, Бентам)².

Проф. Чубянский также отмечал заслуги А. Фейербаха в области «догматики». Он ставил А. Фейербаху в заслугу, что он стремился поднять авторитет положительного уголовного права, к которому «часто относились столь презрительно уголовные политики», и таким образом содействовал развитию чувства законности. Ставит автор ему в заслугу и ясную и точную разработку как составов отдельных преступлений, так и отдельных учений, особенно же учения о виновности. Но тут же проф. Чубянский подчеркивает, что А. Фейербах тесными узами привязал криминалистов к положительному праву и способствовал излишнему преклонению перед последним, что всем своим авторитетом он способствовал расцвету в Германии не политических, а «строгих юридических» исследований³.

Советских криминалистов не могли не интересовать в первую очередь философские и политические взгляды А. Фейербаха.

¹ Подобно тому как по выскомерному мнению этих ученых и современное гражданское право ведет свое начало от немецких профессоров Тибо и Гуга. Ландсберг, Указ, соч., стр. 11; Гиппель, Указ, соч., стр. 296.

² Таганцев, Лекция, т. I, 1902, стр. 25.

³ Там же, стр. 293.

¹ Плеханов, Соч., т. XXIII, 1926, стр. 128—129.

² А. А. Пионтковский, Уголовно-правовые воззрения Канта, А. Фейербаха и Фихте. Ученые труды Восточного института юридических наук, вып. I, 1940, стр. 56.

³ Гиппель, 1921, стр. 55.

⁴ Проф. Гиппель, Курс уголовного права, стр. 293.

В оценке философского мировоззрения А. Фейербаха и советской литературе нет единства. Проф. Пшонтковский считает, что А. Фейербах — «кантианец», доказывая это тем, что А. Фейербах разделял основные понятия философии Канта — различие между теоретическим и практическим представлением о праве. Но вместе с тем о свободе, кантианское проведение различия между правом и моралью, и в то время как Кант развивал абсолютную теорию наказания, А. Фейербах защищал относительную теорию наказания, теорию психологического принуждения. Проф. Пшонтковский показывает, как А. Фейербах из общих принципов кантовской философии в специальной области уголовного права сделал самостоятельные выводы, во многом противоположные тем, которые делал Кант из своей философии в области уголовного права. К тому же, как подчеркивает проф. Пшонтковский, основные черты своей уголовно-правовой теории А. Фейербах формулировал до того, как Кант выступил со своей «Метафизикой нравов», где впервые изложены его уголовно-правовые взгляды¹.

Не отрицает вместе с тем проф. Пшонтковский, что А. Фейербах находился и под известным влиянием французских материалистов. Психологические представления А. Фейербаха, лежащие в основу его теории наказания, определялись общими психологическими представлениями века просвещения. «Это были, — замечает проф. Пшонтковский, — рационалистическая и механистическая психология»².

Проф. Ошерович³ посвятил большую статью доказыванию того положения, что А. Фейербах не был «кантианцем» и что в своих уголовно-правовых положениях он «находился под влиянием естественной теории права или, точнее, под влиянием общественного договора Руссо и, кроме того, под влиянием сенсуализма Локка». Не отрицает и проф. Пшонтковский влияния Локка на А. Фейербаха, с чем мы соглашаемся. Но глубоко ошибочным является мнение проф. Ошеровича, что А. Фейербах находился под влиянием общественного договора Руссо, — взгляд, защищаемый и проф. Пшонтковским.

Глубоко ошибочной является, далее, оценка обоими учеными политических взглядов А. Фейербаха. Оба они зачисляют его в число «просветителей», а проф. Пшонтковский считает, что в отличие от Канта А. Фейербах признавал за народом при известных условиях даже право на революцию.

Ансельм Фейербах был незаурядным кабинетным ученым. Все, что он делал, он делал, проявляя бурный темперамент. С юношеских лет он мечтал о мировой славе. В свой дневник им занесены такие слова: «Мне уже 18 лет, а я ничем не прославил себя в исто-

¹ А. А. Пшонтковский, Уголовно-правовые воззрения Канта, А. Фейербаха и Фихте. Ученые труды Всесоюзного института юридических наук, вып. 1, 1949, глава IV — «Кант и Фейербах», стр. 121—126.
² Там же, стр. 85.

рии человечества»⁴. И наряду с этим он с самой своей молодости проявлял крайнюю умеренность в своих политических взглядах.

В московских библиотеках нет работы А. Фейербаха «Об единственно возможных доказательствах против существования двадцатилетним Фейербахом в 1795 г. опубликованной о ней только по брошюре Бреуера «Политические взгляды Фейербаха»⁵. Бреуер указывает, что на Фейербаха оказала большое влияние книга Борка «Размышления о революции во Франции». Этот яростный памфлет, появившийся в 1790 г., обрушивался на исторические права земельной церковной собственности. В этом памфлете Борк выступил отцом «исторической» школы права, отрицающей какую бы то ни было революцию. Бреуер считает, что «если Фейербах и не разделял страстных осуждений французской революции Борком, то занятие и углубление в идеи этого мыслителя, «прокладывавшего дорогу историческому мышлению в противовес антиисторическому радикализму революции», было в высшей степени полезно для него»⁶. Бреуер, сам умереннейший либерал, с удовлетворением приводит такое высказывание А. Фейербаха: «...Революция представляет опасность в любое время; быстрый переход от угнетения к свободе не совместим с умеренностью и порядком...». По мнению А. Фейербаха, расходящемуся не только с мнением Руссо, но и Канта, институт дворянства не противоречит правам человека, поскольку каждый народ создает конституцию по своему желанию. Молодой А. Фейербах стоял за уничтожение крепостного права, но с возмещением помещиков.

В 1797 г. появилась другая работа А. Фейербаха — «Анти-Гоббс или о границах высшей власти и о праве принуждения граждан в отношении носителя верховной власти»⁷. В своем дневнике А. Фейербах писал в это время: «Это название привлечет внимание ко мне и к моей книге. Меня будут читать и прославлять. Я благодаря этому подвергаю себя большим опасностям. Политическая инквизиция противит ко мне свои когти. Но это меня не остановит. Будь мужественен, Фейербах, будь героем!»⁸. Опасения юного героя были напрасны. Никакая «инквизиция» и не думала его преследовать. Беккариа обращался к «просвещенным читателям».

⁴ А. Feherbach, Leben und Wirken, 1852, стр. 12.

⁵ Über die einzig möglichen Beweismittel gegen das Sein und Gültigkeit der natürlichen Rechte, 1795.

⁶ Brauer, Die politische Gesinnung und Wirksamkeit des Kriminalisten A. Feherbach, 1905.

⁷ Борк, Размышления о революции во Франции, стр. 39.

⁸ Anti-Hobbs oder über die Grenzen der höchsten Gewalt und das Zwangsrecht der Bürger gegen den Oberherrn, 1797.

⁹ А. Feherbach, Leben und Wirken, 1852, стр. 39.

к «мыслящим людям», к «чувствительным сердцам», откликающимся на призыв «защитника интересов человечества», А. Фейербах прямо заявлял в предисловии, что он обращается «лишь как ученик к ученым, к друзьям науки» и что он намеренно избрал такую форму изложения, при которой его книга все равно осталась бы недоступной пониманию тех, у которых нахождение ее могло бы называться опасным. Действительно: одни многочисленнейшие цитаты на латинском языке могли бы отпугнуть «неученого» читателя. Но это не так. Как раз в тех частях книги, где проповедуется необходимо послушания подданных, там язык довольно понятный. Там же, где заходит речь о «праве на сопротивление», там читателю приходится пробираться сквозь нашу «схоластическую истолкованную» А. Фейербахом пресловутого «договора подданства».

Исходным положением для проф. Пионтковского при анализе «Анти-Гоббса» является убеждение, что «основой государства для Фейербаха является, вслед за Руссо, общественный договор»¹.

К сожалению, проф. Пионтковский не обратил внимания на то, что взгляды Руссо на «общественный договор» резко расходились с пониманием этого договора немецкими теоретиками естественного права. А. Фейербах в трактовке общественного договора шел не за Руссо, а за своим учителем проф. Г у ф е л я н д о м, которому, кстати сказать, он и посвятил «Анти-Гоббса».

Руссо был, как известно, сторонником народного суверенитета. Исполнительная власть, правительство является лишь «агентом» законодательной власти, «должностными лицами» суверена. Полномочия правительства народ может изменить, ограничить и отнять по своему желанию. Руссо категорически отрицает «договорный» характер отношений народа с правительством.

Если мы обратимся к «Анти-Гоббсу», то увидим, что А. Фейербах различал не один «общественный договор», а целых три договора. Сперва идет договор об образовании гражданского общества — *Bürgerlicher Vertrag — Pactum unionis civilis*. Вслед за первым договором заключается второй — «договор подданства» — *Unterwerfungsvertrag — Pactum subjectionis*, которым создается орган верховной власти (*Oberherr Regent*), выражающий общую волю². Наконец, народ и носитель верховной власти — «властитель» заключают конституционный договор³ *Verfassungsvertrag — Pactum ordinationis civilis*⁴, устанавливающий образ правления.

Все эти «договоры», все эти «пакты» выдуманы не А. Фейербахом. Они составляют прочное достояние немецкой доктрины естественного права. Все три договора фигурируют и у Гуфелянда⁵ с той

¹ А. А. Пионтковский, Уголовно-правовые воззрения Канта, А. Фейербаха и Фихте. Ученые труды Всесоюзного института юридических наук, вып. 1, 1940, стр. 81.

² «Анти-Гоббс», стр. 22.

³ Там же, стр. 28.

⁴ Там же, стр. 29.

⁵ Hufeland, Lehrsätze des Naturrechts, 2-е изд., 1795, стр. 212.

только разницей, что «договор подданства» стоит у него не на втором, а на третьем месте, отчего, впрочем, подданным не легче.

Центральным звеном немецкой доктрины естественного права является именно «договор подданства», связывающий несчастных «подданных» по рукам и ногам. Это прекрасно иллюстрируется феербаховским «Анти-Гоббсом». В силу договора подданный не имеет права сопротивляться распоряжениям властителя в области государственного управления, какими бы нецелесообразными и даже вопиющими они ему ни представлялись. Самое большое, на что подданный имеет право, это со всею скромностью представить свое мнение. Да подданный, по мнению А. Фейербаха, вообще и не в состоянии судить о целесообразности государственных актов. А. Фейербах со всей серьезностью доказывает «крайнюю» безусловность послушания даже в отношении таких приказов, как повеление всем подданным в двенадцать часов дня снимать с головы шляпу или уцепить свое левое ухо. Такого рода распоряжение может быть вызвано весьма вескими соображениями, которые известны властителю, но не подданым. А. Фейербах предлагает представить себе, что воинственный сосед, уповающий на слабость верховной власти, из ее малой авторитет в нашем государстве, намеревается напасть на нас. И вот, осведомившись об этих коварных намерениях соседа, правитель и издает указанное распоряжение. Узнав, что подданные все как один снимают в двенадцать часов дня шляпу с головы или также единодушно шипят свое левое ухо, и убедившись, таким образом, что государственная власть у нас сильна и пользуется несокрушимым авторитетом, сосед откажется от своих воинственных намерений¹.

Не имеют права подданные оказывать сопротивление и тогда, когда акты верховной власти ведут к снижению благосостояния, ибо цель образования государства — утверждение справедливости, а не благосостояние граждан. К тому же каждый может понимать благосостояние по-своему.

Читая «Анти-Гоббса», совершенно невозможно уяснить, когда же, наконец, подданные получают право сопротивляться носителю верховной власти. Надо заметить, что у А. Фейербаха право сопротивления выражается в «праве на наказание». Право наказания, говорит он, является естественным средством защиты в целях охраны прав, присущее как отдельному человеку, так и государству, как гражданину, так и носителю верховной власти. Если носитель последней неоднократно нарушает «совершенные» (*voelbitchen*) права народа (права, которыми подданный может распоряжаться), права народа (права, которыми подданный может распоряжаться), если он не раз уже обнаруживал свою тираническую волю, попирая права народа, то народ имеет право угрожать носителю верховной власти наказанием и привести это наказание в исполнение, если последний и в дальнейшем будет совершать правонарушения. Но тут же А. Фейербах спешит заметить, что на основании вы-

¹ «Анти-Гоббс», стр. 70—71.

сказанных им положений «никоим образом нельзя оправдать такие кощунственные казни, как казнь Карла I или Людовика XVI, ибо право наказания, принадлежащее подданным, имеет совсем иной источник, чем право наказания, принадлежащее носителю верховной власти»¹. Где надо искать этот «источник», в чем его особенность, не поясняется, и как выйти из несомненного противоречия автора самому себе, читателю остается неизвестным.

Читая «Анти-Гоббса», подданные, несомненно, должны были прийти к выводу, что все же более благоразумно вообще не прибегать к «угрозе наказанием» и не пытаться тем более приводить эту угрозу в исполнение. Еще при анализе «договора подданства» А. Фейербах внушал «подданным», что они «обязаны подчиняться справедливым приказам и распоряжениям носителя верховной власти, издаваемым во время или после восстания точно так же и безусловно, как будто бы он никогда не нарушал их прав, как будто бы он и не подавал им повода к недовольству и к правомерному сопротивлению»².

А. Фейербаху ставится в заслугу, что он разграничил право от морали. Вот как он использует это разграничение, говоря о «праве подданных на наказание». «Как ученый юрист, — заключает А. Фейербах, — я говорю, что народ имеет право защищаться и даже карать. Как моралист я говорю: благородный и разумный человек должен желать и стремиться к лучшему, но должен претерпевать и самое худшее, если это было необходимо»³.

В последней главе своего «Анти-Гоббса» «для избежания недоразумений» А. Фейербах «уточняет», когда и какое насилие могут применять подданные в отношении носителя верховной власти. «Положительное принуждение» (*positiver Zwang*) подданный может применить против носителя верховной власти, когда тот нарушает договор подданства путем акта, носителя абсолютно частного характера. В качестве примера указывается бесцельное (*aus Nichts*) уничтожение имущества подданного и отсутствие у последнего надежды получить возмещение добром.

К вопросу о праве подданных оказывать сопротивление носителю верховной власти А. Фейербах возвращается и в своем сочинении «Философско-юридическое исследование о преступлении государственной измены» (1798)⁴. По мнению А. Фейербаха, нет государственной измены в действительности, на которое гражданин имеет право. «Сюда, — поясняет А. Фейербах, — относится случай, когда подданный использует против носителя верховной власти право революционной (или невинной) обороны»⁵ и когда он ради сохранения своих

собственных прав может даже лишить жизни носителя верховной власти, если бы, например, этот носитель захотел насильственно обесчестить какую-либо свою подданную или злодейски посягнуть на жизнь своих подданных». В этих и тому подобных случаях, — говорит Фейербах, — носителя верховной власти следует рассматривать лишь как частное лицо. И тут же Фейербах указывает в применении, что пространно о сем сказано в «Анти-Гоббсе»⁶.

Мы не можем поэтому согласиться с проф. Пюнтковским, что А. Фейербах «допускал в известных пределах, будучи вообще сторонником мирных реформ, право народа на революцию», что он «при известных обстоятельствах признавал допустимость революции против феодального абсолютизма»⁷. Надо отдать справедливость А. Фейербаху: он признавал за подданными право необходимой обороны своих личных благ, полевой чести, жизни. Но отсюда далеко еще до «права на революцию». Если А. Фейербах и был «более радикальным адвокатом немецких буржуа, чем Кант», то его «радикализм» отнюдь не был спасен для «носителей верховной власти» бесчисленных государств Германии конца XVIII в., для бесчисленных королей, курфюрстов, великих и просто герцогов и для патрицианских магистратов десятка «имперских свободных городов», в том числе и «высокоблагородного и высокочудрого» магистрата родного города А. Фейербаха — Франкфурта на Майне, которому А. Фейербах и посвятил свое «Философско-юридическое исследование» о понятии государственной измены.

Проф. Но в г о р о д ц е в, критиковавший Гайма за якобы «слепое ислечение отражений времени в философской доктрине Гегеля», весьма исторично подошел к докантовским немецким философским доктринам. «Немецкая общественная жизнь этой эпохи, — писал Новгородцев, — с отсутствием в ней бурных конфликтов, с замедленным ходом ее прогрессивных сил, отражалась здесь как в зеркале». Вот почему, как указывает Новгородцев, писателям, исповедывавшим естественно-правовые взгляды, недостает той энергии резких формул и обостренных положений, которая вырабатывается обыкновенно в практической борьбе. Они занимают крайние позиции, легко меняют точки зрения, избегают крайних выводов или же стараются смягчить их оговорками робких мнений и спасительных правил для примирения теории с практикой. Учение о приращенных правах сочетается у немецких писателей с проповедью властной опеки, радикализм естественно права примиряется с любым положительным порядком. «Что же, — спрашивает Новгородцев, — остается от строгих начал естественного права, если философская дедукция узаконивала в конце концов

¹ «Анти-Гоббс», стр. 231—232.

² Там же, стр. 175.

³ Там же, стр. 231.

⁴ Philosophisch-juristische Untersuchung über das Verbrechen des Hochverrats.
⁵ Фейербах говорит о *moderamen inculpatae tutelae*.

⁶ «Анти-Гоббс», стр. 56.

⁷ А. А. Пюнтковский, Уголовно-правовые воззрения Канта, А. Фейербаха и Фихте. Ученые труды Всесоюзного института юридических наук, вып. I, 1940, стр. 82.

и феодальный строй?». Следует заметить, что и в советской литературе отмечались различные течения в естественно-правовой доктрине. Так, Голуевский и Строгович хотя и очень кратко, но все же совершенно правильно подчеркнули, что политические взгляды юристов и философов XVII и XVIII вв., исповедовавших теорию естественного права, были весьма различны. «Одни из них были революционерами (Руссо), другие, наоборот, были сторонниками абсолютной монархии, полицейской опеки над гражданами (Хр. Вольф, Томас Гоббс)»¹.

Нам кажется совершенно бесспорным, что, даже выступая против Гоббса, А. Фейербах остался учеником Вольфа, а не являлся последователем Руссо.

Раскрытие истоков естественно-правовых взглядов А. Фейербаха представляется нам весьма важным. Мы видим, что примиренческое отношение к действительности стало еще до Канта и А. Фейербаха традицией германской философии и юриспруденции.

«Нафос законности является основной чертой теоретической работы Фейербаха». «Закон свят», — провозглашает он вслед за Кантом, — замечает проф. Пионтковский². Но требование законности не являлось у А. Фейербаха революционным требованием. Просветители XVIII в. на закон смотрели, как на выражение «общей воли», в законе должен был претвориться «человеческий разум», в отличие от феодального права законы должны отражать положения «разума», положения революционного естественного права. У Фейербаха же требование законности было связано с полным признанием положительного права вообще. В его «философически-юридическом исследовании о преступлении государственной измены» анализ положений римского права о государственных преступлениях, являвшегося в известной мере действующим в Германии правом, прекрасно уживается с учением о «договоре подданства».

В речи при вступлении в должность президента апелляционного суда в Айсбахе в 1817 г. А. Фейербах утверждал принцип независимости судьи и подчиненности его только одному закону. Он провозглашал священной обязанностью судьи отказать в повиновении государственной власти, если она будет требовать от него нарушения закона³.

С большим удовлетворением отмечает немецкий фашиствующий криминалист Эрик Вольф, что эта тирада А. Фейербаха не должна нас вводить в заблуждение. «В ней, — пишет Вольф, — не содержится никакой естественно-правовой, действительно револю-

¹ Новгородцев, Кант и Гегель, в их учениях о праве и государстве, 1901, стр. 47, 62 и сл.

² Голуевский и Строгович, Теория государства и права, 1940, стр. 223.

³ А. А. Пионтковский, Уголовно-правовые воззрения Канта, А. Фейербаха и Фихте, Ученые труды Всесоюзного института юридических наук, вып. 1, 1940, стр. 82.

⁴ Die hohe Würde des Richteramts. Опубликовано в „Kleine Schriften“, 1, 1833, стр. 123—132.

ционной мысли, что справедливость может находиться в противоречии с законом. Фейербах не восстает против существующего правового порядка во имя морального, политического или религиозного убеждения. Равным образом, не утверждается, что существует какое-либо приращенное право как справедливое или истинное. Такие мысли были совершенно чужды Фейербаху»⁴.

А. Фейербах вообще только в первые годы своей ученой деятельности находился под влиянием естественно-правовых доктрин (в их немецком «варианте»). Склонность к «историзму» усилена была его работой в области сравнительного права.

Об изменении своих взглядов на естественное право А. Фейербах заявлял уже в 1810 г. В небольшой, но принципиального характера статье «Взгляд на немецкую науку», опубликованной в 1810 г., А. Фейербах признавал, что естественному праву мы обязаны определением точной границы между правом и моралью, ясным пониманием природы некоторых метафизически-правовых понятий, лежащих в основе всякого законодательства. Но в остальном, писал А. Фейербах, системы этого естественного права были большей частью односторонне задуманы и неудачно осуществлены. Представление о возможности существования законодательства, повелевающего независимо от всякого опыта, представление о возможных и реальных правах без внешних законов, даже вне государства, и так называемом природном состоянии, — такого рода положения были не чем иным, как основными заблуждениями⁵.

Несомненно, что отказ от естественного права вел А. Фейербаха еще к большему примирению с «положительным» правом и к ослаблению влияния на него просветительных идей XVIII в.

Для оценки политических взглядов А. Фейербаха имеют значение его памфлеты 1813—1814 гг. Еще до них в работе о суде присяжных, опубликованной в 1813 г., А. Фейербах, не называя Наполеона по имени, не побоялся сделать ряд выпадов против его деспотических замыслов. Совершенно открыто выступил он против него в памфлете «О подавлении и упадке Европы»⁶, опубликованного через неделю после битвы под Лейпцигом, когда судьба наполеоновского владычества еще не была окончательно решена. При победе Наполеона А. Фейербах несомненно мог очень тяжело пострадать. Памфлет содержал также резкие выпады против германских князей, пресмыкавшихся перед Наполеоном.

Во втором памфлете — «Мировое владычество — могила человечества» А. Фейербах резко обрушился на Наполеона за его стремление к мирному владычеству, показывая на примерах исто-

¹ Erik Wolf. Grosse Rechtsdruckung der deutschen Geistesgeschichte, 1939, стр. 436.

² Перепечатано Фейербахом в „Kleine Schriften“, 1, 1833, стр. 67.

³ „Über Unterdrückung und Niedergang Europas“. Перепечатано в „Kleine Schriften“.

Мы признаем большое влияние А. Фейербаха на немецкую теорию уголовного права, пусть он называется и «отцом» науки уголовного права, но только наука в Германии, а не других европейских стран.

Если философия Канта и оказала влияние на немецкую науку уголовного права, то, как мы уже отмечали, лишь косвенно, через «хитканца» А. Фейербаха. Несравненно более непосредственное и более глубокое влияние на немецкую науку оказали философские и уголовно-правовые взгляды Гегеля. Правда, не при его жизни. Зато с сороковых до семидесятых годов XIX в. наука уголовного права в Германии «существует под знаменем Гегеля» (Гиппель). Ряд немецких ученых говорит даже о полном господстве Гегеля в уголовно-правовой теории этого периода (Ландсберг, Гольцендорф, Ленинг). Среди криминалистов-гегельянцев насчитываются крупные немецкие криминалисты: Кестлин, Бернер, Гельпнер.

Гегелевская философия отнюдь не помещала немцам-криминалистам культивировать чисто догматическую разработку уголовного права. Оправдание же существующего только усиливало примитивное отношение к «положительному» праву, помогло санкционировать законы существующего общества и набрасывать на них «сверхчуждый покров».

Проф. Чубинский отмечал, что у гегельянцев-криминалистов благодаря воспринятому у Гегеля преклонению перед действующим правом уголовно-политический момент не мог играть серьезной роли. «Там же, — пишет Чубинский, — где философские конструкции должны были неизбежно давать уголовно-политические выводы, обычно все построение настолько окутывалось метафизическим туманом, что даже простые и ясные понятия становились неясными, а живая действительность, подлинный мир преступников и подлинная обстановка преступности совершенно исчезала из виду. Отрешенность от жизни являлась поэтому главным и существенным признаком криминалистов-гегельянцев»¹.

IV.

Энгельс выменял Дюринга за пренебрежительное отношение к английскому и французскому праву. «... Когда берешься составить философию права для всех миров и для всех эпох, то следо-

старей «практик», и расходятся с немецкими либералами, защищавшими публичность и истинность процесса по образцу французского. Действительно, либеральную позицию занимал в это время молодой профессор уголовного права Миттермайер.

¹ Чубинский, Очерки уголовной политики, 1905, стр. 433. Критика Чубинским уголовно-правовых взглядов Гегеля и гегельянцев-криминалистов была бы более суровой, если бы его не смущал Новгородцев, взявший в своей книге «Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве» (1901 г.) под свою защиту «Философию права» Гегеля от вполне заслуженной критики Гайма.

вало бы, — писал Энгельс, — быть несколько осведомленным и относительно юридических порядков таких наций, как французы, англичане и американцы, — наций, игравших в истории роль поважнее, чем тот уголок Германии, где процветает прусское земское право»¹.

В русской как дореволюционной, так и в советской науке уголовного права больше всего проявлялось знакомство с немецкой литературой, на втором плане шло изучение французской литературы, в виде исключения изучались теории уголовного права Англии и США.

По выражению историка английского права Холдсворса, уже в XVIII в. английское право «превратилось из островного в мировое»². Основой действующего уголовного права США является английское право. То же в доминионах Англии — Канаде, Австралии, Новой Зеландии, Южной Африке.

Английским классиком-юристом считается Блэкстон (1723—1780). Его знаменитые «Комментарии к английским законам», опубликованные в 1765—1769 гг., выдержавшие в самой Англии при жизни автора 8 изданий и в период между 1785—1849 гг. 18 изданий, впервые привели в теоретическую систему все право Англии, в том числе и уголовное — общее и статутное³.

Блэкстон явился теоретиком английской буржуазии, заключившей в итоге двух революций XVII в. компромисс с английской аристократией. Анализируя характерные черты английского уголовного права XVIII в., Холдсворс приходит к заключению, что оно уже тогда стало «конституционным»: преступными могли считаться лишь те действия, которые в качестве наказуемых предусматривались или общим правом или статутами, новые составы преступлений после революции 1688 г. могли вводиться только парламентом. Наказания также определялись «общим правом» или статутами. Законом, устанавливающим преступность и наказуемость деяний, не могла быть придана обратная сила. Карательная система XVIII в., весьма жестокая, все же была более мягкой по сравнению с континентальным уголовным правом. Наказание, бывшее гарантией для обвиняемых представлял суд присяжных заседателей.

Блэкстон был последователем философски-политических взглядов Локка. Он был защитником принципа буржуазной законности, исповедывал теорию договорного происхождения общества, теорию естественных, прирожденных прав человека, данными из коих являлись право личной безопасности, право личной свободы и право

¹ Энгельс, Анти-Дюринг, Госиздат, 1938, стр. 91.
² Holdsworth, An history of english law, т. XI, 1938, стр. 132.

³ В России т. 1 Комментариев Блэкстона был издан в переводе профессора Московского университета Десяницкого в 1780—1782 гг.

частной собственности. В суде присяжных он видел ограду свободы. Он был резким противником придания уголовному закону, устанавливающему преступность какого-либо действия, обратной силы, считая такие законы неразумными и несправедливыми. Блэкстон с огромным уважением и даже пиететом относился к Беккарна. Холдсворс замечает, что если мы станем сравнивать книгу Беккарна с высказываниями Блэкстона по вопросам наказания, то не может быть сомнения в том, что Блэкстон многим обязан Беккарна. «Хотя Блэкстон, — пишет Холдсворс, — и не на все смотрел глазами Беккарна (он стоял, например, за более широкое применение смертной казни), но ясно, что именно благодаря влиянию Беккарна в отношении уголовного права Англии он занял более критическую позицию по сравнению с другими отраслями права»¹.

Еще больший авторитет, чем в Англии, приобрел Блэкстон в США. Холдсворс считает, что именно «Комментарии» Блэкстона, в которых все английское право было изложено в литературной форме и которые сразу получили большое распространение в североамериканских колониях, послужили главной причиной того, что и после отделения этих колоний от метрополии английское право осталось основой американского права².

Блэкстон перенадавался в США не только в XIX, но даже и в XX в. Последнее издание его «Комментариев» в сокращенном виде и с учетом действующего американского права, которое было в нашем распоряжении, датируется 1941 годом. Основные философские «концепции» Блэкстона остались в неприкосновенности: договорная теория происхождения общества и государства, теории естественных прирожденных прав человека и т. п. Редактор указанного издания Блэкстона говорит, что невозможно точно указать, какая правовая философия является в США в настоящее время господствующей. Но, по его убеждению, значительная часть населения, включая некоторых юристов и судей, придерживается в более или менее чистом ее виде блэкстоновской теории.

Мы отнюдь не переоцениваем прогрессивности политических взглядов Блэкстона. Мы не забываем, что Блэкстон по своим убеждениям был английским тором XVIII в., склонным чрезвычайно оптимистически смотреть на действовавшее в его время право Англии. Но и парламентский строй только еще закладывался в XVIII в. в этой стране, и о буржуазной демократии, как она стала развиваться в XIX в., нельзя было говорить при жизни Блэкстона. Все же основные уголовно-правовые положения Блэкстона отражают буржуазно-демократические требования в области уголовного права, выдвинутые английскими революциями XVII в.

Во второй половине XVIII в. внимание прогрессивных слоев европейского общества привлек англичанин Джон Говард

¹ Цитируемое сочинение, т. XI, 1938, стр. 578.

² Там же, стр. 132.

(1726—1790), ознакомившийся с состоянием тюрем не только Англии, но и других стран Европы, в том числе и России, где он и погиб, заразившись в тюрьме тифом. Говард выступил с горячей проповедью улучшения бесчеловечного состояния тюрем в Европе. Практическое значение его проповеди было не велико, но моральное влияние было огромно. Говард содействовал тому, что в отличие от феодальной карательной системы с преобладанием смертной казни, с изувечивающими телесными наказаниями из первый план в теории уголовного права стало выдвигаться реформированное тюремное заключение, как центральное звено новой (буржуазной) карательной системы. Говард защищал, таким образом, не абсолютную, подобно Канту и Гегелю, а относительную теорию наказания. Наказание покоилось у него не на идее возмездия, а на идее исправления преступника.

Видное место в истории буржуазной уголовно-правовой мысли в первой половине XIX в. должен занять и английский ученый и публицист Бентам (1748—1832). В своей книге «Творцы английского права» Холдсворс (вообще весьма консервативный историк права) признает, что идеи Бентама подготовили в Англии поколение 30-х годов, проведшее реформу избирательного права в парламент, реформу судостроительства, кодификацию уголовного права¹. Бентам пользовался к концу первой четверти XIX в. огромным авторитетом не только в Англии, но и в Западной Европе (кроме Германии), в Северной и Южной Америке.

В своих работах Бентам уделял большое внимание вопросам уголовного права и защищал ряд буржуазно-демократических требований в этой области. Развивая идеи Беккарна, он разработал учение о предупреждении преступлений и о средствах борьбы с ними. Он защищал принципы экономии карательных средств, был противником смертной казни, ссылки, изувечивающих телесных наказаний, стоял за лишение свободы, организованное на «рациональных» началах. Большое значение придавал он удовлетворению потерпевшего и т. д. И в области уголовной догматики Бентам сделал немало. Он дает глубокий анализ понятия субъективной стороны преступления, в частности, мотивов преступления, уделяет большое внимание вопросам классификации преступлений и др.²

Следует упомянуть и об английском социальсте-утописте Роберте Оуэне (1771—1858). Оуэн указывал, что преступления вызываются социальными беспорядками, что характер низших классов населения образуется под влиянием таких обстоятельств, которые неминуемо заставляют их следовать по пути крайней ни-

¹ Holdsworth, Some makers of english law, 1934, стр. 253.

² Много места уголовно-политическим идеям Бентама уделяет Пубинский в своих «Очерках уголовной политики», 1905, стр. 332—350. В 1916 г. вышла обстоятельная монография Петра Покровского «Бентам в его время», в которой автор подробно останавливается на той борьбе, которую Бентам вел с защитниками английского прецедентного права, этого ордера консерватизма.

шеты и порки и что и остальное общество воспитывается в принципах, идущих в разлад с человеческой природой.

Положение английского рабочего класса в Англии в начале XIX в. было ужасным. Оуэн на опыте решил доказать, что улучшение условий жизни рабочих поведет к сокращению преступности и к повышению морального состояния их. Всемирно известен его опыт организации фабрики в Нью-Ланарке на новых началах, с запретом организации фабрики в Нью-Ланарке на новых началах, с сокращением детского труда, с обучением детей в школе, с сокращением рабочего времени, с врачебной помощью, общественной столовой, библиотекой и т. п.

Уголовно-правовые учения Блэкстона, Говарда, Бентама и Оуэна до сих пор не подверглись всестороннему изучению со стороны советских криминалистов. Между тем в их работах ставились и разрешались основные вопросы уголовного права. Трое первых были носителями буржуазно-демократических идей в области уголовного права, а Оуэн являлся одним из восточных утопического социализма. Изучение указанных английских ученых и мыслителей доказывает вместе с тем со всей очевидностью, что ни Кант, ни Гегель никакого влияния на английскую науку уголовного права в первой половине XIX в. не оказали, как, впрочем, не оказали они влияния и в последующее время.

Творцы французского уголовного кодекса 1810 г., кодекса, покоившегося, по выражению Энгельса, на социальных завоеваниях великой французской революции и переведшего их на юридический язык¹ — члены Наполеоновского государственного совета и Законодательного корпуса, воспитывались в свое время на идеях просветительской философии XVIII в. Во время революции они были депутатами Учредительного собрания и Конвента, некоторые из них голосовали даже за казнь короля. Талантливые слуги Наполеона и крупной французской буржуазии, отказавшись от «революционных увлечений прошлого», все же в области уголовного законодательства прятворили в жизнь основные принципы буржуазной демократии: формального равенства перед уголовным законом, принцип детальности, пропорциональности наказания и т. д. Опубликованному в 1804 г. проекту Уголовного кодекса предшествовали «замечания» главного составителя проекта Тарже, которые, по мнению современных французских ученых (Гарро, Доинье де Бабур), отражают философские принципы, вдохновлявшие составителей Уголовного кодекса 1810 г. К этому времени уголовно-правовые идеи Канта стали известны и во Франции. По «Замечаниям» Тарже можно судить, какую оценку дали им составители кодекса. «Истинная мудрость, — писал Тарже, — уважает гуманность, но она не будет приносить ей в жертву общественную безопасность; она стремится к тому, чтобы наказания были настолько возможно мягкими, но вместе с тем действительными. Верно, что наказание не является мстителью: разум законов ставит ей

во что это печальное злорадство душ низких и жестоких. Необходимость наказания — вот что делает его законным. Конечная цель закона не в том, чтобы виновный страдал, а чтобы были предупреждены преступления. Даже в случае самого отвратительного злодеяния, при уверенности, что более не придется опасаться ни одного преступления, наказание последнего из виновных было бы бесплодным варварством»². Последние слова показывают, что составители кодекса относились самым отрицательным образом к уголовно-правовой теории Канта, к наказанию как категорическому императиву. В этом отношении идеи просветителей XVIII в., усиленные утилитарной философией Бентама, получившей большую известность во Франции с конца XVIII, начала XIX в., полностью сохранили свое влияние над составителями кодекса.

В советской литературе обычно не делится никаких указаний на французских криминалистов первой половины XIX в. Может легко создаться впечатление, что во Франции в это время отсутствовала теоретическая разработка вопросов уголовного права. В этом отношении дореволюционная русская литература была более осведомлена. Спасович, отвоинивший в своем учебнике (1863 г.) большое место изложению теорий уголовного права, останавливался и на французских теориях первой половины XIX в. Он указывал, что войды французской революции и Наполеона познакомили французов короче с германской образованностью и наукой, но что практический смысл французов не дал им успокоиться на понятии наказания, чинимого ради одного только возмездия³. Обзор французских уголовно-правовых теорий первой половины XIX в. дается известным французским криминалистом Эли в его обширном предисловии ко второму изданию трактата России⁴.

Виднейшим французским криминалистом-теоретиком первой половины XIX в. является Росси (1787—1848). Если судить по отдельным высказываниям, то Росси можно было бы причислить к сторонникам теории возмездия. Так, в главе, трактующей о праве наказания, он говорит, что наказание само по себе есть не что иное, как «взвешенное и отмеренное воздаяние злом за зло»⁵. Но уже в следующей главе — об уголовном правосудии, его целях, условиях и границах мы читаем, что естественными последствиями уголовного правосудия являются воспитание, устрашение, исправление. Карая, правосудие не стремится во что бы то ни стало достигнуть того или другого из этих последствий, но оно карает только тогда, когда эти последствия могут способствовать сохранению общественного

¹ Замечания приведены в брассельском издании Уголовного кодекса 1810 г. (1851 г.).

² Спасович, Учебник уголовного права, 1863, стр. 46.

³ Rossi, Traite de droit penal, 1855. Первое издание вышло в 1829 г., которое в 1855 г., уже после смерти автора, Росси был итальянцем по происхождению, но провел свои лучшие годы во Франции. В России трактат Росси был переведен в 1871 г.

⁴ Там же, стр. 219.

⁵ Энгельс, Анти-Дюринг, Госиздат, 1938, стр. 90.

порядка, несправедливо поколебленного преступлением¹. Как это далеко от кантовского положения, что «горе тому, кто, проползая по змеиным извилинам утилитарной теории, пытается найти там какое-либо основание, ради которого можно освободить преступника от наказания!»².

В той же главе Росси пишет, что предупреждение преступлений не только право, но и долг правительства. «Но может ли оно в этих целях прибегать к любым средствам? Если у него достаточно денег и тюремщиков, то оно может, — говорит Росси, — составить списки подозрительных и сослать их на каторгу. Оно может задерживать на ней всех осужденных, отбывших наказание, но не представлять никаких гарантий, что они переродились. Вообще, чего не может сделать правительство? Достаточно заглянуть в летописи тирании», — заканчивает Росси эту тираду, не фигурирующую, кстати сказать, в русском переводе 1871 г. И далее Росси говорит, что наказание преступлений законно лишь при том условии, что наказание применяется к виновным и только к виновным, и притом только заслуженное наказание. «Если оно превышает хотя бы на атом заслуженное зло, то уже нет более справедливости».

Росси говорил далеко неотвлеченно о справедливости. В введении к трактату имеется параграф «о современном состоянии уголовного законодательства». В нем Росси дает бичующую критику действовавшего в Европе в конце двадцатых годов прошлого века уголовного законодательства, включая Англию. Росси прямо заявляет, что «без актов помилования и без благочестивой лжи присяжных заседателей уголовное правосудие этой страны превратилось бы в отирательную бойню». Росси приводит статистические данные о числе приговоров к смертной казни, в том числе и за кражу свыше 40 шиллингов из обитаемого помещения. Он говорит о возмутительных законах, карающих недозволенную охоту, законами, уважающих менее индивидуальную свободу, чем частную собственность, о щедром применении телесного наказания даже статутами 1827 г. «Оно упоминается в этих статутах так часто, — пишет Росси, — что, читая их, можно подумать, что приближаешься к сахарным плантациям, что слушаешь удары бича». Росси указывает, что хотя французский Уголовный кодекс 1810 г. и является наиболее гуманным и рациональным по сравнению с правом, существовавшим до революции, но все же сохраняет ряд положений, недостойных французской цивилизации, как клеймение, применение смертной казни за преступления, того не заслуживающие, и т. д. Жесткой критике подвергается уголовное право и других европейских стран — Австрия, швейцарских кантонов, немецких и итальян-

ских государств. Рассматривая причины существования такого отсталого уголовного законодательства, Росси наряду с указанием таких причин, как рутинность, нежелание изменять существующее положение вещей, делает и такое замечание: «К тому же высшие классы общества видят в уголовном правосудии лишь средство, направляемое против тех, кого они охотно называют канальями», — замечание, опять-таки отсутствующее в русском переводе.

В предисловии к книге Росси, изрядно преувеличивая, Эли писал, что «он не знает другой книги, которая превеличавая, Эли немедленным плодотворным результатом. Все уголовные законодательства, обвиненные этим могучим голосом и призванные к ответу перед общественным мнением, склонились перед этим вердиктом».

Во Франции действительно вскоре последовала известная реформа 1832 г., значительно смягчившая суровость Кодекса 1810 г., но в остальных западноевропейских странах смягчение уголовного законодательства последовало не так скоро.

Во всяком случае мы не знаем ни одного буржуазного исследования, которое с такой резкостью бичевало бы уголовное законодательство Западной Европы первой четверти XIX в. Можно со всей справедливостью сказать, что в области уголовного права Росси явился достойным наследником просветительского гуманизма XVIII в., а не сторонником и проповедником реакционной уголовно-правовой теории Канта¹.

Нельзя не указать далее, что именно во Франции в первой половине XIX в. на почве, подготовленной французскими материалистами XVIII в., возникли учения социалистов-утопистов Сен-Симона и Фурье, которые в объяснении причин преступности явились предтечами классиков марксизма². Что же могла им противопоставить немецкая наука того же периода? Исследование некоего бывшего «практика» Штраесса «О причинах преступлений и проступков и о способах противодействовать умножению оных» (1840), произведенное по поручению прусского правительства. Среди «общих и постоянных причин преступлений» этот восточно-прусский зубр считает «первой и главной причиной — слишком слабые наказания за некоторые преступления». К главным средствам уменьшения преступлений относится усиление наказаний, в том числе и восстановление телесных наказаний для женщин низших классов³.

Следует, таким образом, признать, что и во Франции наука уголовного права развивалась в первой половине XIX в. (да и в

¹ Напомним, что в отношении разработки специально-придворских вопросов Таганцев наряду с Фейербахом упоминал и Росси.

² В советской теории совсем недавно оценка учений Сен-Симона и Фурье о причинах преступности дана проф. Герцензоном в его учебнике «Уголовное право», часть Общая, 1945, стр. 32.

³ Не делает чести Редкину, что он напечатал перевод этого реакционнейшего «произведения» на страницах своих «Юридических записок» (1842 г.).

¹ Rossi, *Traite de droit penal*, стр. 221.

² В главе о выборе наказаний Росси говорит о «вечевенных заслугах, оканчивающихся в законодательстве и человечестве» (см. цитируемое сочинение, т. II, стр. 268).

дальнейшем) вне влияния уголовно-правовых взглядов Канта. Что касается Гегеля, то в своем обзоре французских уголовно-правовых теорий за первую половину XIX в. Эли лишь вскользь говорит о «довольно туманной теории Гегеля».

V I

Отцы и деды декабристов усердно знакомились с произведениями английских и французских просветителей. Приобщаясь к материалистической философии и к передовым политическим учениям, они не оставались простыми учениками. В своих политических воззрениях такие мыслители, как Радищев, были значительно революционнее западноевропейских просветителей.

В области уголовного права идеи Беккариа, хотя и несколько притушенные, стали широко известны в России благодаря Наказу Екатерины II. Официальный характер этого по существу литературного памятника позволил впоследствии прогрессивным русским криминалистам, проповедуя взгляды Беккариа, делать, по цензурным соображениям, ссылки не на книгу этого просветителя, а на Екатерининский наказ. Книга Беккариа проникла в Россию и в многочисленных французских изданиях, а в 1803 и в 1806 гг. была издана в русских переводах.

Влияние Беккариа сказалось не только на уголовно-правовых взглядах Радищева, Ушакова, Пнина. Просветительная философия вообще оказала огромное влияние на декабристов; многие из них были знакомы и с книгой Беккариа.

В первой четверти XIX в. среди русских передовых мыслителей и деятелей стали пользоваться большим вниманием также идеи Бентама. Сочинения его были изданы в русском переводе в 1805—1810 гг. Ряд его уголовно-правовых идей разделялся Пестелем, Мордвиновым, некоторыми представителями университетской науки, как, например, московским профессором Цветаевым.

Прочислялись в России и идеи Канта, главным образом в учебниках по естественному праву как переводных с немецкого, так и оригинальных. В большинстве случаев авторы их провозглашали естественно-правовыми доктринами в том виде, как последние

¹ В русской литературе имеется исследование проф. Фельдштейна «Главные течения в истории русской науки уголовного права» (1909 г.), основанное на материале, собранном автором, частью архивного характера. К сожалению, автор не был в состоянии выделить и политически осветить действительно основные течения в русской уголовно-правовой мысли.

Проф. Чубинский, излагающий в своих «Очерках уголовной политики» трехстепенных уголовно-политические взгляды второстепенных и даже имен уголовно-зодических взгляды русских просветителей второй половины XVIII в., декабристов и представителей университетской науки уголовного права первой половины XIX в.

Впервые являющиеся освещение истории русской уголовно-правовой мысли второй половины XVIII и начала XIX в. дается в подготовленной к печати диссертации проф. Ошеровича (см. заметку в «Социалистической законности» № 9—10 за 1944 г.).

проповедывались в Германии в XVIII и начале XIX в. последователями Томазия и Вольфа.

Для характеристики русских исследователей естественно-правовых теорий в немецком их варианте достаточно остановиться на небольшом пособии Филимонова «Система естественного права» (1811). По словам автора, он «использовал творения Аригона...» и т. д. В действительности же его вдохновителями явились Баумгартен и Баумейстеры. В § 41 пособия гордо утверждается, что «всякое лицо имеет право самопроизвольно употребить моральные способности». «Вследствие сего, гласит следующий параграф, всякое лицо имеет право скрывать свои мысли, скрывать свои мнения и вообще свободно (...) употребить свои способности для достижения своего счастья».

Проф. Фельдштейн относит к кантианцам московского профессора Цветаева. Но Цветаев типичный эклектик, считающий, что «наказание преследует тройную цель: достойное возмездие за нарушение закона, удержание преступника впредь от подобных нарушений закона и удержание сограждан от оных впадением страха через наказание»¹.

При поверхностном отношении можно и в труде известного Куницына усмотреть исповедывание кантианства². Он не раз выдвигает: «главное начало права — не употребление других людей как средство для своих целей». Он считает справедливым, чтобы преступник был подвергнут равному злу, как наказанию за свой противозаконный проступок. Но это еще не дает права зачислять Куницына и кантианцы. Прежде всего положенные, выдвигаемые Кантом, что человек должен рассматриваться не как средство, а как цель в себе самом, является не чем иным, как «выражением гуманизма XVIII в., облеченным в форму метафизического канона», как заметил еще Ландсберг. Что же касается до принципа возмездия, то Куницын, как и Росси, отнюдь не воспринимают его в качестве кантовского талиона. Куницын вообще не останавливается на том, как должен быть осуществлен этот принцип на практике.

Чтобы правильно понять Куницына и как юриста и как криминалиста, надо исходить из общих установок его «Естественного права».

Куницын различает «общество равное» и «общество неравное». В первом «общая власть» отирается всеми членами общества, во втором она вверяется одному лицу. Права и достоинство членов во втором обществе должны быть одинаковы. Все подлежащее к равному обществу должно быть определено общим согласием. Выраженное в договоре общее согласие есть «общая воля». Коренные (основные) законы, основанные на договоре, определяют «признаки, по которым воля общая во всех случаях может быть

¹ Цветаев, Начертание теории закона, 1815, стр. 253.

² Куницын, Право естественное, ч. I, 1818; ч. II, 1820.

познаваема». Поскольку целое общество не может выполнить своей воли, то должен быть «исполнитель», который, не имея права давать законы, исполняет их только. Лица, составляющие равное общество, именуются Куницыным «членами общества»¹.

В «обществе неравном» власть принадлежит или физическому, или нравственному лицу, т. е. нескольким лицам вместе. Лицо, которому принадлежит «общая власть», называется «властителем». Все прочие члены общества неравного общества называются «подданными»².

Куницын не высказывается открыто, на стороне какого общества находятся его симпатии, но уже весьма знаменательно, что он своим читателям говорит о существовании «равного общества».

Но и в неравном обществе за подданными признается ряд прав. Куницын подчеркивает прежде всего, что «употребление власти общественной без всякого ограничения есть тиранство и кто оное произведет, есть тиран». «Никто не может быть тираном: ибо никто не может быть без законных пределов в употреблении власти». «Неотъемлемые и неотчуждаемые права (человека) и в самом обществе и в самом подданстве должны оставаться неприкосновенными». К «прирожденным правам» человека Куницын относил, между прочим, и «право употреблять свои силы». Из этого он выводил положение, что «никто не может быть принуждаем что-либо признавать истинным противу собственного убеждения». «Преступления против общего мнения не суть преступления». «Поэтому, — писал Куницын, — всякое наказание, чинимое за оное, несправедливо...».

Из права употребления своих сил Куницын выводил право свободно объяснять свои мысли другим людям. «Истина познается только через свободное сообщение мыслей, при котором каждый имеет случай проверить собственные суждения и убедиться в том, что призывает сомнительным».

Куницын не был революционером, каким его считали современники-ретрограды. Он не призывал к мятежу. Он допускал неповиновение властям, когда предписываемое ими не согласно с договором подданства, но не считал дозволенным прибегать к заговорам и возмущениям.

Куницын не был революционером, но проповедуемые им начала «естественного права» были «гласом правды» и будили в его лицейских слушателях свободолюбивые чувства, а некоторых из них подвинули, возможно, и на путь декабрьского восстания (Пушкин, Кюхельбекер). За два месяца до этого восстания, в день лицейского праздника, в своем приветственном стихотворении Пушкин посвятил Куницыну строки, которыми его бывший наставник в вопросах общественных и политических мог воистину гордиться:

¹ Куницын, Право естественное, ч. II, стр. 11, 16 и сл.
² Там же, ч. II, стр. 23 и сл.

Куницыну дань сердца и ума!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада зажжена.

Судьба «Естественного права» Куницына была непохожа на судьбу фейербахова «Лити-Гоббса». Вскоре по выходе второй части, в которой как раз и заключались суждения о «равном» и «неравном обществе», книга Куницына подверглась уничтожению «по принятым в сей книге за основание ложным началам и выводимому из них весьма вредному учению, прогаворечащему истинам христианства и клонящемуся к испровержению всех связей семейственных и государственных».

Николаевское правительство настолько подозрительно отнеслось к «естественному праву», что преподавание его в 1833 г. было приостановлено, а новый университетский устав 1835 г. вообще упразднил кафедру естественного права.

* * *

К концу 30-х годов николаевское правительство, послав на выучку в Германию ряд способных и талантливых молодых людей — Редкина, братьев Баршевых, Неволлина, Калмыкова и др., сумело обеспечить важнейшие университетские кафедры последователями немецкой идеалистической философии.

Вернувшись в Россию, молодые ученые обрушились прежде всего на просветительную, материалистическую философию. В своей статье «Об уголовной кодификации» один из наиболее ярких российских гегельянцев, московский профессор Р е д к и н, повторил гегелевское положение, что в преступлении частная воля вступает в противоречие с общей волей, тут же считает необходимым разъяснить, что выражение «общая воля» не должно принимать как имеющее какое-либо сходство с выражением «воля всех», «о котором заговорил первый Жан Жак Руссо и которая сделалась как-то магическим словом всеразрушительной теории и практики»¹. Редкин отвергает философию права, именуемую «естественным уголовным правом». «Несчастливая философия! — восклицает он. — Какими нелепостями не освящали твоим священным именем? Какими всевозможными нелепостями, мечтаниями, идеями не прикрывали твоей священной одеждой?»².

Московский профессор Б а р ш е в (Сергей) в учебнике по Общей части уголовного права помещает специальный параграф «Лжеучение о свободе. Опровержение его». «Ближайшим источником лжеучения, отвергающего человеческую свободу, — поучает наш автор, — был материализм, который, возникши в Англии, распространился во Франции, а потом в Германии»³. Баршев упрекает

¹ Юридические записки, издаваемые Редкиным, 1842, стр. 424.

² Там же, стр. 420.

³ Общие начала теории и законодательства о преступлениях и наказаниях, 1841, стр. 34.

в невыдержанности самого Канта за то, что «он приписывает свободу только человеку надчувственному и отказывает в ней чувственному».

Не во дни в «Энциклопедии законодательства», служившей университетским руководством на протяжении десятилетий, посвятив целое отделение критическому разбору «разрушительной французской философии». «В начале XVIII в., — писал он, — опытная английская философия распространилась во Францию: вместе с нею перешел сюда и дух волюнтаризма, который она породила на некоторое время в Англии. Вольтер, Ламетри, два знаменитых составителя французской Энциклопедии Дидро и Даламбер и, наконец, Сочинитель системы природы соперничествовали друг с другом в распространении безверия и безбожия. Вера в божественную, неизменную истину была отвергнута, и человеческий разум с его произвольными мудрованиями был признан верховным судьей в деле истины»¹.

Философия права Гегеля с ее оправданием существующего являлась желанной для николаевской эпохи и ее идеологов. Полностью воспроизведя мысли Гегеля, высказанные последним в предисловии к «Философии права», Редкин заявлял, что «задачи истинной философии состоят не в том, чтобы подавать советы и наставления правительствам, народам, человеку, как им должно поступать в том или другом случае, не в том, чтобы предложить им всевозможные начала, на основании которых они могли бы располагать свою деятельность, — это дело религии, совести, положительного права, правов и обычаев... Философия ищет в бесконечном разнообразии и беспрестанной изменчивости явлений, случайностей материального и духовного мира уловить всеобщее, непреложное, необходимое, истинно разумное, вечно существующее и потому истинно действительное»².

«Истинная наука уголовного права, — заявляет Редкин, — имеет единственной задачей уразуметь действительность. Опираясь на такую науку, уголовное уложение не выдумывает небылого, а наблюдает былое, настоящее, возводя его к истинно творческому сознанию. Оно... ставит своей целью отразить в себе, как в верном зеркале, тот момент исторического движения, на котором стоит современное ему общество»³.

Философия права Гегеля давала, таким образом, составителям Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., кодекса, полностью отражающего крепостнический и абсолютистский строй России, теоретическое оправдание тому, что они отвергли мысль о составлении кодекса на «чистых умоизрядительных началах» и решили исходить «из системы настоящего уголовного законода-

тельства». И действительно, к чему было обращаться к «умозрядительным» началам, когда царствование Николая объявлялось «золотым веком нашего законодательства», а система уголовных законов с отменой кнута (Уложение 1845 г. заменило его плетью) объявлялась «доденной до возможного совершенства»⁴.

Излишне останавливаться на других, менее значительных российских гегельянцах. Убийственная характеристика гегельянства в уголовном праве дана нашим сатириком Салтыковым и Шедриным. Салтыков воспитывался в Пушкинском лицее, и в это время преподавал уголовное право профессор Баршев (Яков). Возможно, что именно его имел в виду Салтыков в очерке «За рубежом» (1881 г.).

Салтыков вспоминает, что когда он учился в нашем уголовном законодательстве существовала «очень серьезное орудие государственной Немезиды в виде кнута», и, следовательно, профессор уголовного права так или иначе должен был встретиться с ним на кафедре. «И что же, — пишет Салтыков, — выискался профессор, который не только не подирился им в виду десятков юношей, внимавших ему, не только не выразился хотя так, что, как, дескать, ни печально такое орудие, но при известных формах общежития представляется затруднительным обойти его, а прямо и внятно повествовал, что кнут есть одна из форм, в которых идея справедливости находит себе наиболее приличное осуществление. Мало того, он утверждал, что сама злая воля преступника требует себе воздаяния в виде кнута и что не будь этого воздаяния, она могла бы счесть себя неудовлетворенной».

Далее Салтыков рассказывает, как перед самыми экзаменами кнут был «отрешен» (имеется в виду издание Уложения 1845 г.) и заменен треххвостной плетью «с соответствующим углублением с точки зрения числа ударов». Всех лицестов интересовал вопрос, как вывернется «старый буквоед» из этой неожиданности: «прольет ли слезу на могиле кнута или надругается над этой могилой и поткнет в нее осиновый кол».

«Целую лекцию, — говорит Салтыков, — сквернословил он перед нами, как скорбела пышная идея правды и справедливости, когда она осуществлялась в форме кнута, и как лякует она теперь, когда с соизволения начальства ей предоставляется осуществляться в форме треххвостной плети с соответствующим углублением с точки зрения числа ударов».

Салтыкову вряд ли была известна «речь» Максимовича, о которой мы упоминали выше. В ней же он, как и петербургский профессор, «надругался над могилой кнута», клеймя его «битом азиатских народов, напоминающим времена татарского над Россией владычества».

¹ Максимович (профессор Нежинского лицея). Речь об уголовных наказаниях в России, 1853, стр. 171.

¹ Собр. соч., т. I, 1857, стр. 386. Впервые «Энциклопедия законодательства» была опубликована в 1839 г.

² Юридические записки, издаваемые Редкиным, 1842, стр. 423.

³ Там же, стр. 435.

Уголовно-правовые взгляды Канта и Гегеля не оказали, как мы видели, никакого влияния на уголовно-правовую теорию таких стран, как Англия, США, Франция в первой половине XIX в. Мы могли бы показать, что они не оказывали влияния и в дальнейшем.

Идеалистическая немецкая философия не могла пустить корней и в России в первую четверть XIX в., ибо в нашей стране в это время были сильны идеи просветителей XVIII в., и было не мало революционных сил, проявившихся в декабрьском восстании. Только после подавления этого восстания, в мрачные годы николаевщины, гегелевская философия нашла своих адептов среди представителей официальной университетской науки. Но революционные традиции не угасали в России. В работах Герцена и Белинского в эти годы ставились и разрешались вопросы уголовного права — о причинах преступности, о преступлении и наказании.

Вопрос о значении Канта, Гегеля, Ансельма Фейербаха является частью общего вопроса о значении немецкой науки в истории уголовно-правовой буржуазной мысли в XIX и XX вв. Мы несомненно преувеличивали это значение и немецкое направление в классической школе уголовного права отождествляли с классической школой уголовного права вообще. Нами до сих пор неправильно рассматривается и социологическая школа уголовного права, в которой следует выделить немецкое направление, как более реакционное по сравнению с социологическим направлением во Франции, не говоря уже о социологическом направлении уголовного права в России.

Мы говорили только о науке уголовного права. Но нам кажется, что переоценка ценностей должна быть проведена и в других областях советской юриспруденции.

